

Роберта Вустерова

ВЗЛЕТНАЯ ПЛОЩАДКА ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА

Роберта Вустерова
Взлетная площадка
Змея Горыныча
Серия «Хроники благородного
сообщества», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70616770
SelfPub; 2024*

Аннотация

Благородное сообщество обитателей Забайкальских лесов встревожено до крайности. Лесные нимфы, русалки, болотные хмыри, кикиморы, шишиги терзаются в страшных догадках. Почему все деревья в округе увешаны странными объявлениями? Что отрыла Баба Яга на взлетной площадке Змея Горыныча? Куда, наконец, делся сам Змей? Спокоен один домовый Василий. Лежит себе за печкой, зачитывается детективами, и ему попросту дела нет до переполоха, что разразился за стенами избы. Но, как всегда, именно ему придется разруливать ситуацию. Изображение на обложке – автора.

Роберта Вустерова

Взлетная площадка

Змея Горыныча

– Эпизод первый, – объявил домовый Василий, обвел глазами младшую группу детсада и с трудом сдержал желание сделать ноги. Фиг бы стоял он сейчас перед этими пострелятами, кабы не постановление родительского комитета.

Неделю назад комитет, курирующий воспитание юного поколения благородных обитателей Забайкальских лесов, решил раз и навсегда очистить неокрепшие умы от конспирологических теорий и намерений спуститься в нору. Когда началась заварушка, пострелят отправили в летний лагерь на озерах – подальше от событий. Но осенью они вернулись, и понеслось. Слухи, сплетни, споры до драк, попытки взломать ограждение. Воспитатели в детских садах, учителя младших классов заговорили об увольнении. Тогда комитет решил рассказать мелюзге, как все было на самом деле. «Чистильщиком» по понятной причине назначили Василия. Семь дней он расспрашивал свидетелей, сочинял доклад, согласовывал его с комитетом, репетировал перед зеркалом и жаловался на жизнь Сигизмунду. Болотный хмырь другу сочувствовал: даже врагу не пожелаешь выступать перед такой аудиторией...

– Эпизод первый, – повторил Василий и провел вспотевшими ладонями по штанам. – Змей Горыныч.

...Змей Горыныч летел над осенними забайкальскими лесами и радовался, что у него три головы. Одной головы никак не хватило бы, чтобы рассмотреть все красоты вокруг. Так что правая голова, издавая восторженные восклицания, разглядывала багрец и золото кленов и берез, левая цокала языком, наслаждаясь видами заснеженных вершин далеких сопок, а центральная ловила отражение Змея в зеркальной поверхности озер...

– Скуотища-а-а, – вклинился в плавную речь экскурсовода издевательский голос одного из экскурсантов. – Щас блевану. Экскурсовода на мыло!

Стоявшее прямо перед Василием хвостатое существо в кепке изобразило рвотный позыв. Василия затрясло. Надрать бы уши мелкому пакостнику! Но нельзя. Высокий статус экскурсовода и наличие у наглеца старшего брата – известного задиры лешего Самоварчикова – связывали руки.

– Дети, дети, тихо! – пришла на помощь домовому лесная нимфа Лапанальда. – Дальше будет интереснее.

Василий заторопился. Подгоняемый нахальным взглядом младшего Самоварчикова, он кратко пересказал спор голов Горыныча о том, у какой больше пересохло горло, сообщил, что Змей спустился на берег реки испить водицы, и перешел к моменту, как на тот же бережок внезапно вышел из-за деревьев странствующий богатырь с мечом, уже вынутым из

ножен.

– Биться давай, – сказал богатырь и, фехтуя мечом, прошелся взад-вперед перед Горынычем. – Щас срублю твои три головы, сложу в мешок и отнесу домой матери. Каков будет подарочек!

– Зачем нам биться? – удивился Змей и, пребывая в благодушном настроении, от схватки категорически отказался. Наоборот даже попытался пригласить богатыря к себе в пещеру почаевничать. Да у того такой занозистый характер оказался! Отвергнув мятный чай с вишневым вареньем, с криком «Битва-а-а!» кинулся молодец на дракона, взмахнул своим обоюдоострым мечом и срубил у несчастного центральную, то есть срединную, голову. Что происходило дальше на берегу горной реки, никому не ведомо, только Горыныч после этого исчез.

– Враки это, – опять подал голос младший Самоварчиков. – Взрослые нам на уши нарочно лапшу вешают, чтобы правду скрыть. А мой брат три зуба дает, что все не так было.

Пострелята загалдели. Было – не было, куда исчез Горыныч, сколько у леших зубов, зачем маме витязя драконья голова... Дискуссия дошла бы до потасовки, если бы Василий, впившись ногтями в ладони, не осмелился ее прервать.

– До твоего брата мы еще доберемся, – произнес он, глядя в глаза лешачонку. – Про него отдельный эпизод будет. Я могу продолжить? Спасибо. Тогда эпизод второй – Баба Яга.

...Баба Яга плюнула на пальцы, загасила свечу и по ку-

риной ноге соскользнула из окна на землю. Избушка возмущенно кудахтнула. «Цыц, курица, – прошипела Яга. – Разбудишь кого – перья выщиплю».

Ночь была воровской, в смысле темной и ветреной. Шелест листьев заглушал звук шагов, а разглядеть что-либо можно было, лишь уткнувшись в него носом. В такую ночь хорошо красться вдоль жилищ односельчан, прощупывая у кого дверь не заперта. Благородные обитатели Забайкальских лесов спят крепко, обчищай – не хочу. Но нельзя. Дело не ждет. Подобрав юбку, Яга понеслась к площадке.

Бульдозер стоял там, куда она спрятала его вчера, – в густом ельнике. Сегодня придется новый схрон искать, злилась Яга, стирая с лобового стекла кляксы засохшей грязи. Ишь, гады, удумали – коптер на поиски посылать. Кабину-то она давно перекрасила, а вот стекло под солнцем отсвечивает, приходится на день грязью заляпывать. Хорошо, паразиты хоть ночью над лесами не шарятся, а то бы ей вовек площадку не расчистить.

Под гадами и паразитами подразумевались работники комбината благоустройства соседнего городка, откуда Яга свистнула новенький ярко-желтый колесный механизм с навесным ковшом. Когда она вырулила на нем на площадку перед пещерой Горыныча, благородное сообщество обитателей Забайкальских лесов онемело от зависти. До сих пор вспомнить приятно. Жаль, КБУшники быстро спохватились и коптер запустили. Ну, ночью даже лучше работается – ненуж-

ных советчиков нет, спят.

Послав в адрес коптера пару проклятий, Баба Яга вошла в кабину, завела мотор и, орудуя рычагами, погнала бульдозер к валуну. Когда Змей Горыныч, ее лучший друг, от спокойной жизни растолстел, взлетная полоса ему стала коротка. Не хватало ему ее длины, чтобы при его весе разогнаться перед взлетом как следует. Яга взялась помочь, и умыкнутая строительная техника проблему давно бы решила, кабы не валун. Здоровенный, никак из земли не выковыривался.

Уперев ковш в валун, Яга поддала газу. Камень зашатался. Из-за него с воплем метнулась в кусты чья-то тень. Яга поднажала еще. Камень со скрежетом вывернулся из твердой почвы и покатился в сторону. Выплывшая из-за облаков луна осветила нору, которую валун закупоривал собой, как пробка бутылку шампанского. Над площадкой поплыл запах тлена.

Яга втянула носом воздух, сползла с бульдозера, сунула руку в кусты и за шиворот вытащила на свет старшего Самоварчикова.

– Я так понимаю, давно за мной следишь. – Яга цыкнула зубом и энергично трянула шпиона за шкуру. – Чего надо?

– Ничего не надо, чтоб мне сдохнуть, – заюлил леший. – Разве только вам помочь. Жалко смотреть, как вы, Бабулечка Ягулечка, одна тут упираетесь.

– Врешь как сивый мерин. – Яга поскребла за ухом. – Но ты кстати. Чуешь, чем пахнет?

– В каком смысле? – попытался выкрутиться Самоварчиков. – В прямом или в переносном?

– В прямом, в прямом, – задумчиво протянула Яга. – Хотя для тебя и в переносном. Коли ты шпиён, тебе и шпиёнствовать.

– Не полезу, – задергался Самоварчиков. – Лучше сразу съешьте.

– Сдался ты мне, – плюнула Яга. – Я с Незапамятных времён никого не ем. Полезешь. – Она подтянула лешего к норе. – Сам или тебя бросить?

– Если не вернусь, вас обвинят в смертоубийстве, – завопил Самоварчиков. – В предумышленном, с отягчающими обстоятельствами.

– Из-за тебя? – заржала Яга. – Скорее наградят. Да не трясись так – вернешься. Самому ведь интересно. Я за хвост поддержку. – Она повела носом влево-вправо и хлопнула лешего по спине. – По запаху же ясно – склеп старый, для здоровья не опасный. Взглянешь, что там, и сразу обратно. Как хоббит.

– Вот сами бы и лезли, – буркнул леший и протянул Яге хвост. – Держите крепче.

Василий закашлялся. В горле першило от непрерывного говорения. Да и пострелятам надо было дать передохнуть. Ишь, как глаза загорелись. Даже лешачонок притих. Видно, брат не все ему рассказал.

– Давайте сделаем перерыв на полдник, – предложила

нимфа Лапанальда. Дети по бутерброду съедят, водички выпьют.

– Мне всего два предложения сказать осталось, – прохрипел Василий. – На следующее утро сельчане обнаружили на взлетной площадке Горыныча бездонную, пахнущую сыростью и тленом нору, а рядом с ней покрытый плесенью валун и бульдозер с чистым лобовым стеклом. Бабу Ягу с тех пор никто из обитателей Забайкальских лесов не видел... Вот теперь – полдник!

Во время полдника банный анчутка, младший Самоварчиков и двое шишиг таки подрались, Лапанальда и Василий еле их разняли. Выяснять, кто затеял ссору, не стали. В благородном сообществе обитателей Забайкальских лесов давно знали: младший братец по вредности и задиристости старшему не уступает. Что с них взять – лешие же.

– Эпизод третий, – объявил Василий, когда экскурсанты утихли. – Леший Самоварчиков.

– Про брата я больше вашего знаю, – насупился лешачонок. – Больно надо вас слушать. Опять наврете с три короба.

Василий переглянулся с Лапанальдой и пожал плечами.

– Не хочешь, не слушай. Отойди в сторонку.

– И отойду, – надулся младший Самоварчиков, нацепил на голову здоровенные серебристые наушники и повис на ограждении норы.

«Надо же – AirPods Max, – изумился Василий. – Вопрос – откуда? Их же к нам еще не завезли».

Он вздохнул и перевел взгляд на экскурсантов.

...Леший Самоварчиков сидел на берегу лесного озера и плевался, как обиженный жизнью верблюд. Рядом на мелководье в лунном свете водили хоровод русалки. Еще недавно он ворвался бы в их круг с криками и приплясываниями и от души бы повеселился. Сейчас было не до развлечений. Отплеваться бы...

Дернуло же спрыгнуть на этого борова, злился Самоварчиков, выковыривая из зубов жесткие волосины. Ведь хорошо же на суке сиделось и поджидалось – мог бы дожждаться жертвы помельче. Так нет. Решил, что он как крутейший Соловей-Разбойник-ниндзя Забайкальских лесов одолеет громилу молодецким свистом, внезапным наскакиванием и криком «ииийяа!». Еще надеялся, что на этот раз его мечта наконец сбудется. Свистнул он классно, с напрыгиванием не промазал. И что вышло?

Он передернул плечами, вспомнив, как здоровенное, мохнатое, все в тине чудовище пришло от укуса в ярость. Васька, гад, на всех углах щебечет, что оно типа самое доброе и беспомощное существо во всех Забайкальских лесах. Беспомощное, как же. Так за уши оттягало – они теперь, как у слона.

Пошевелив ушами, Самоварчиков потянулся к воде прополоскать рот. Русалки с колокольчиковым смехом прыснули в стороны. «I'll be back», – мрачно пообещал им в спины леший и побрел в лесную чащу.

В глаза лезли развешанные по деревьям объявления. По черк на всех был разный, а текст один и тот же. «Раскудахтались, – ворчал он себе под нос, срывая листки и нанизывая на березовый прутик. – Лапанальда вообще всему лесу растрезвонила, что я того. И Кукуцаполь туда же. Банный анчутка называется. Раз банный, сиди себе на полке, греми шайками. Так нет – прилип как распаренный лист: говори чё знаешь. А чё я знаю? Везде сплошное жульство – вот чё.

Из распахнутого окна избушки лился янтарный свет и пахло поджаристой хлебной корочкой. Сглотнув слюну и почесав горящие уши, Самоварчиков стукнул в дверь. Избушка кудакнула, переступила с одной курьей ноги на другую и повернулась к Самоварчикову тыльной стороной. Леший плюнул, обошел избушку и постучал настойчивей.

– Сгинь! – донеслось изнутри.

– Мне всего-то спросить, – заискивающим тоном проблеял Самоварчиков и, подбадривая себя, помахал прутиком с объявлениями. – Всего один вопрос.

– Об чем? – поинтересовались в избушке.

– Мне на весь лес орать или впустите? – осмелел лешак.

Рассерженно кудакнув, избушка поджала ноги и плюхнулась на землю. Дверь со скрипом отворилась на небольшую щель.

Внутри за столом у полыхающей березовыми поленьями печи сидела Родственница. Перед ней, вытянувшись в струнку, стояла Баба Яга, на ее согнутой руке висело белое поло-

тенце, расшитое алыми маками. На Родственницу Самоварчиков смотреть боялся, Баба Яга сама старательно отводила от него взгляд, поэтому он впился глазами в плюшки, горой наваленные на синее блюдо. Блюдо стояло прямо таки рядом, только руку протяни.

– Чего опять приперся? – спросила Родственница, подтягивая плюшки к себе. – Какой такой вопрос?

От звуков ее голоса из головы лешака вылетели все возмущенные фразы, заготовленные по пути сюда. «Э-э-э... – протянул он невнятно и выставил вперед руку с объявлениями. – Э-э-э... Вот».

– Ягоша, я тебе говорила, что он идиёт? – проскрипела Родственница.

– Шесть раз, – бодро отрапортовала Яга и смахнула полотенцем со стола невидимую пылинку. – Даже шесть с половиной.

Хвост оскорбленного Самоварчикова против его воли заходил ходуном. Шесть да еще с половиной – это было слишком. Он все-таки не абы кто.

– И с чего это я идиёт? – ехидно поинтересовался он, цапнул с блюда плюшку и откусил сразу половину. – Наоборот даже – хозяин леса.

– Ой, – хихикнула Баба Яга. – Кто ж у нас в эти древние сказки верит.

– Зато не жульствую, – огрызнулся Самоварчиков. – Не то что некоторые.

– Какое еще жульство?! – вскипела Родственница. – Ты, милоч, мне тут права не качай. Тебя честно предупредили: губу до проведения эксперимента не раскатывать. За давностью лет эффекту может и не случиться. Улетучился – пффф! – эффект за триста-то годков.

– И что прикажете делать? Вот, – Самоварчиков потряс прутиком с объявлениями. – Все раскудахтались, будто я ли-са в курятнике. А на деле-то – цирк.

– У тебя всегда цирк, – фыркнула Яга. – С этими, как их... конями Пржевальского. На днях один у избы пасся – не от тебя сбёг?

Самоварчиков цапнул новую плюшку и шагнул к выходу. Ежели Ягушенция своей новой жизнью недовольная, так он ей не пацанчик для битья. Сама вляпалась.

– Стой! – прохрипела Родственница. – Есть варианты. Сто пудов результативные. Слушай сюда...

Домовой Василий обвел глазами пострелят. Сейчас он произнесет последнюю фразу, и останется только рассказать, чем все закончилось. И тогда он сможет – наконец-то! – завалиться дома за печку с детективом в руках и забыть о публичных выступлениях до завтра. Какое это будет блаженство!

Он глубоко вдохнул, открыл рот...

– ...и после этого леший Самоварчиков пропааал, – пропели пострелята хором.

В перерыве к Василию подошел Сигизмунд. «Мучаешь-

ся? – поинтересовался он, с интересом друга разглядывая. – Бледный, как поганка». – «Знаешь что, – взвился домовой, – ты тоже в этом участвовал. Даже хуже – ты меня на все подбил. Давай сейчас вместо меня все дорассказываешь». – «Ну уж нет, – хохотнул болотный хмырь, – сам выкручивайся. Мое дело – сувениры на память. Кстати, сколько их сегодня?» – кивнул он на пострелят. «Двенадцать». – «А сколько осталось?» – «Тридцать пять – сорок». Сигизмунд закатил глаза и что-то подсчитал в уме. «Тремя ведрами обойдусь. Умумыкался я гальку по берегу собирать. Эти жучишки по одному камню не тибрят. Группа пройдет – ведра экспонатов как ни бывало».

Сигизмунд встряхнулся, обдав друга кляксами тины.

– Ну, не дрейфь. В случае чего до дома дотащу.

– Я не кисейная барышня, – проворчал домовой. – В обморок не грохнусь.

...– Эпизод четвертый, – сообщил Василий и смущенно покашлял. Не любил он о себе говорить. – Болотный хмырь Сигизмунд и домовый Василий.

«Куплю средство от зомби. Срочно!»

Василий прочитал объявление в третий раз, почесал затылок и перечитал в четвертый. В благородном сообществе обитателей Забайкальских лесов только Баба Яга создавала объявления вручную шариковой ручкой на мелованной бумаге, но почерк был не ее. Почерк Ягушенции был всем хорошо знаком – все сосны в округе были увешаны предложе-

ниями радикальных мазей от радикулита ее личного изготовления.

– Читай, читай, – сказал Сигизмунд. – Сидишь за своей печкой, ничем не интересуешься, ничто тебя не колышит. А тут весь лес в таких объявах. Народ по одному ходит боится, об арбалетах заговорил.

– Бред какой-то. – Василий зажмурился, пытаясь осознать прочитанное. – Откуда в наших лесах зомби?

– Откуда – неведомо, только покусанных уже пол-леса.

– И что, покусанные тоже в зомби превращаются? И потом на других набрасываются?

– В том-то и дело что нет. Просто носятся по лесу с криками и объявления развешивают. Начнешь расспрашивать – никто ничего толком сказать не может. В темноте кто-то напал и укусил, даже не очень больно. И это все.

– Тогда с чего решили, что напал зомби? Может, просто у кого-то крыша поехала?

– Нет, тебе все-таки надо чаще из-за своей печки вылезать. Помнишь, на взлетной площадке Горыныча лежал валун? Так вот, Ягушенция своим бульдозером его скovyрнула, отрыла нору, оттуда что-то вылезло и теперь всех кусает.

– Ты сам это видел?

– Не видел. Это моя версия. Кстати, Ягу как раз после этого будто корова языком слизала.

– Версия, значит. Одна? Есть еще? Выкладывай.

Болотный хмырь замялся.

– Только не смейся. Иногда я думаю, что всех кусает старший Самоварчиков. То, что вылезло из норы, укусило его, а он потом взялся за остальных.

– Бред какой-то, – повторил Василий. – Доказательства у тебя есть?

– Ну, не то чтобы доказательства... Позавчера он свалился на меня с дерева и укусил в шею. Я надрал ему уши.

Василий потер переносицу.

– Идем. – Схватив друга за плечо, он потянул его за собой. – Начнем танцевать от печки. В смысле, от норы. Найди веревку покрепче.

Темной-претемной ночью, когда болотные, озерные и наземные обитатели забайкальских лесов давно спали мирным сном, у норы на взлетной площадке Змея Горыныча спорили двое. В норе периодически что-то взывало замогильным голосом.

– Не буду я туда спускаться, – говорил Сигизмунд, кося на дыру в земле круглым глазом. – Ты знаешь, что там воет? Нет? И я не знаю. Мне еще пожить хочется.

Болотный хмырь плюнул в нору в знак протеста и сложил руки на груди. Василий поморщился. Ситуация складывалась безвыходная.

– Давай рассуждать логически, – начал он.

Сигизмунд мотнул головой так энергично, что в оппонента полетели ошметки тины и клочья шерсти – у хмыря началась осенняя линька.

– Знаю я твои логические рассуждения, – проворчал он. – В конце всегда выходит одно и то же: ты придумываешь, я делаю. Давай сегодня наоборот.

– Это не вой, это стон, – произнес Василий, стараясь звучать убежденно. – Тому, кто там стонет, нужна помощь. Я слабый, я его не вытащу. Ты в наших лесах самый сильный. Тебе ли бояться раненого?

Сигизмунд засопел и спустил в нору веревку. Спустя пару минут его голова вновь показалась над землей. На плече хмыря висело неподвижное тело. Когда его аккуратно опустили на площадку, домовый обомлел: перед друзьями, постанывая, лежал болотный анчутка Кукуцаполь. Левый его глаз был подбит.

Василию поплохело. Где Кукуцаполь, хорошего не жди. Как он в нору попал? Он же не Дракула – ползать по стенам.

– Не знаю я, как он туда попал, – огрызнулся Сигизмунд. – Там сбоку пещера, он в ней валялся. Не нравится – могу вернуть обратно. И вообще, я пошел домой.

– Мы не можем его тут так бросить, – вздохнул домовый. – Пусть хотя бы в себя придет.

– Но потом сразу валим. А то опять влипнем во что-нибудь. Как в городе.

Василий поморщился. В голове его рождалось мрачное предчувствие, что вытаскиванием анчутки из норы дело не обойдется и до возвращения домой друзьям далеко.

Так и вышло.

Кукуцаполь заворочался, крикнул «Держи вора! Отдай книгу, вражина!» и, не открывая глаз, стал хватать воздух руками. Друзья отодвинулись от него подальше. «Он очнулся, – прошептал Сигизмунд. – Дальше пусть сам».

– Какой пердимонюкль! – раздался за спиной скрипучий голос. – Вместо белокрылого Серафима, слетающего ко мне на струях зефира, узреть исчадие ада... А какое амбре! Нет, такое совершенно невозможно вынести.

– Он очнулся, – повторил Сигизмунд. – Ты же знаешь: если он говорит непонятно, значит, в норме. Еще и ругается, гад. Может, ему добавить?

– Да не ругается он, – раздраженно произнес Василий, понимая, что их все глубже затягивает в странную историю. – Лексикон у него просто архаичный, так сейчас не говорят. Он сказал, что испытал сильнейшее неприятное впечатление, когда вместо ангела высшей ангельской категории, спускающегося к нему по воздуху с помощью белоснежных крыльев, он увидел... эээ... извини... плохо пахнувшее чудище.

– Если думаешь, что выражаешься понятнее, чем он, ты себе льстишь. – Болотный хмырь сжал кулаки и наклонился над анчуткой. – Значит, мое амбре произвело на него пердимонюкль? Ну это он с настоящим пердимонюклем не сталкивался...

По-прежнему жмурясь и не отрываясь от земли, Кукуцаполь задрал подбородок так, что его борода строго вертикально устремилась в звездное небо.

– Младое поколение ноне не то, что в Незапамятные времена. Оно совершенно лишено почтительности к преклонному возрасту. В Незапамятные времена добропорядочный выюноша не стал бы терзать плоть беспомощного старика.

– Терзать плоть?! – вскричал хмырь. – Все, с меня хватит! Возись с ним один.

Куцуаполь открыл глаза и обвел Сигизмунда насмешливым взглядом.

– Добропорядочный выюноша, опять же, не пренебрег бы оказией стать спасителем мира. Как истинный воитель он не отверг бы возможность избавить мир от зла. Вы, конечно, не комильфо. – Взгляд анчутки из насмешливого стал вызывающим. – Но и вам негоже отказываться от попытки совершить героический поступок. Заодно вернули бы обществу манускрипт Прабабули.

– Не ведись! – прошипел Василий. – Он тебя провоцирует. Но было поздно.

– Я разве отказываюсь? – бормотал болотный хмырь. – Ни разу не отказываюсь. Василий, вот, тоже не отказывается.

Потенциальные спасители мира прислонили банного анчутку к валуну и побрызгали водичкой. Слушая вполуха его болтовню, переводя другу слова «понеже», «послежде», «дондеже», домовой в бешенстве думал, что Куцаполь ударил в слабое место. Фиг теперь оторвешь Сигизмунда от желания спасти мир. Еще сверлило мозг слово «Прабабуля». Где же он его слышал? Неужели это...

– Ну да, – подтвердил страшную догадку анчутка, пере-
скакивая на современный язык. – Ягушенция на площадке
Горыныча отрыла Прабабулю. Ну, эту свою знаменитую пра-
пра-пра-прабабку, зомби-Ягу. Вы о ней наверняка в летопи-
сах читали. Триста лет назад она спуталась с зомби, начала
всех кусать, и укушенные тоже в зомби превращались. В ито-
ге ее навечно заточили и адрес заточения из памяти вытра-
вили. Яга ее, в общем-то, случайно вырыла. Ничего, пусть
теперь помается.

– Помается?

– Так Прабабуля же ее строит, как боцман юнгу, – злорад-
но хмыкнул Кукуцаполь. – Из избы не выпускает – боится,
что та ее планы разболтает.

– Какие планы? Откуда вы все знаете? Зачем полезли в
нору? Кто на вас напал? – спросил Василий.

– И почему кусается Самоварчиков? – добавил Сигиз-
мунд.

Баный анчутка замялся. Василий понял, что тот, как все-
гда, пытается обойти стороной свои темные делишки. Но же-
лание старикана заполучить какой-то там манускрипт оказа-
лось сильнее.

Когда Баба Яга исчезла из поля зрения благородных оби-
тателей Забайкальских лесов, Кукуцаполь заподозрил оче-
редное жульство и сначала попробовал разговорить Само-
варчикова. Тот не раскололся, а после допроса и вовсе исчез.
Тогда анчутка стал наведываться ночами к строению на ку-

рых ногах. Из подслушивания и подглядывания в щель выяснилось, что в избе появилась Прабабуля, которой Забайкальские леса очень не нравились. Тут-то ей и подвернулся лешак.

Кукуцаполь захихикал:

– Самоварчиков всегда мечтал стать зомби, чтобы наводить на всех ужас. Он упросил Прабабулю его погрызть, только ничего из этого не вышло. За триста лет ее способности того... – Кукуцаполь неопределенно пошевелил пальцами. – Испарились. Тогда Прабабуля пообещала отвести лешака в места, где свежих зомби видимо-невидимо. Но не задаром. Он должен принести из норы книгу, которая понадобится ей в новой жизни. Отправлять за книгой пра-пра-праправнучку Прабабуля остерегалась – не доверяла.

Дальше Кукуцаполь мог не рассказывать. Все и так было ясно. Подслушав разговор, анчутка отправился за фолиантом сам. Но выбраться с ним из норы не успел: явившийся следом леший ценную вещь отнял, анчутке накостылял, веревочную лестницу унес.

– Теперь вся надежда только на понимание вами благородства, чести и достоинства, – впился глазами Кукуцаполь в Сигизмунда. – Если вы джентльмен, то не оставите мир в беде и восстановите справедливость.

– Он джентльмен, – твердо ответил Василий. – Говорите, где искать Самоварчикова.

В бревенчатом строении на курьих ногах никого не оказа-

лось. Кукуцаполь схватился за сердце: «Если Прабабуля подалась в бега, нам ее не догнать». Рванули к пещере Горыныча – Баба Яга часто захаживала туда по дружбе. Вход в пещеру был завален изнутри обломком скалы, сквозь щели пробивался неяркий свет. На стук и крики никто не отозвался. Хрустнув шейными позвонками, Сигизмунд навалился на преграду плечом, крякнул и отвалил скалу от входа. Внутри у затухающего костра сидел грустный дракон; обрубок на месте его центральной головы был обмотан грязным бинтом. С другой стороны костра на земле лежала Баба Яга. «Явились – не запылились, – пробурчала она, не сводя взгляда с потолка пещеры. – Опоздали, голубчики. Улетели они. Стибрили ступу и улетели. Поздняк метаться». – «А книга? Книга?!» – вскричал анчутка. В ответ Ягушенция закатила глаза.

– Может, оно и хорошо, что Прабабуля с Самоварчиковым улетели, – осторожно произнес болотный хмырь. – Проблем меньше.

– Вы, выюноша, глупы-с. Да-с, глупы-с, – взвился Кукуцаполь. – Прабабуля не проблема. Книгу, книгу увели!

– Подумаешь, старая книга, – фыркнул Сигизмунд, оскорбленный низведением с пьедестала спасителя мира. – Другую напишут.

– Да что ты понимаешь! – завопила Ягушенция. – В этой книге рецепты таких... таких волшебных снадобий! Мои с ними рядом не стоят. Голову Горынычу на раз отрастить можно.

Василий покусал нижнюю губу, взглянул на дракона и наткнулся на взгляд его правой головы. Не спуская сердитых глаз с домового, голова цыкнула зубом и кивнула на бинты, намотанные на обрубок. Отвертеться не выйдет, понял Василий и громко спросил: «Летать можете?» – «С двумя головами не пробовал, – ответил Змей. – Как бы набок не перекашивало».

Через минуту домовый и хмырь летели на драконе над Забайкальскими лесами. На горизонте всходило солнце. В его красных лучах мельтешила вдали темная точка. Ее носило из стороны в сторону, она то теряла высоту, то взмывала ввысь чуть ли не в пушистые белые облака. «Похоже, Прабабуля за триста лет разучилась ступой управлять, – подумал Василий. – Значит, догоним».

Змей Горыныч, приноровившись к отсутствию срединной головы, вышел на крейсерскую скорость. Вскоре троица уже летела над самой ступой. На дне ее, сжавшись в комок, сидел перепуганный Самоварчиков. К груди он прижимал толстую потрепанную книгу; Василий рассмотрел даже медные заклепки на кожаном переплете. «Самоварчиков! – крикнул домовый. – На кой тебе в зомби?» Взглянув на преследователей, Прабабуля проорала «Сдохни!» и энергично замахала метлой. Ступа заложила крен вправо, потом влево и резко пошла на снижение. «Под кронами хочет спрятаться, – понял домовый. – Оттуда ее не выцарапаешь».

Он снял башмаки и по Горынычу перебежал к шее, на ко-

торой сидел Сигизмунд. «Держи меня за ноги, – приказал он, лег на живот и пополз вниз. – Попробую его уговорить. Если не получится, спрыгну в ступу. Тройх она не вынесет, опустится на землю. Тогда тоже приземляйтесь – пойдём врукопашную».

Уговоры Самоварчикова не подаваться в зомби проходили трудно. Беглец сопел, жаловался, что его в Забайкальских лесах не уважают, книгу отдавать не хотел. Василий клялся, что уважает Самоварчикова просто жуть как, напоминал, что леший вообще-то прописан в летописях крутым хозяином леса, божился, что Сигизмунд надрал ему уши с перепугу. Прабабуля лупила домового метлой. Он и сам то и дело бился головой о борт ступы, потому как ни ступа, ни Горыныч держать дистанцию, как самолеты на авиашоу, не умели.

А еще над воздухоплатателями внезапно разразилась гроза. Забухал гром, в черных тучах засверкали молнии, струи ливня залили нос висящему вниз головой домовому. Горыныч и ступа запрыгали по воздуху, как лягушки по асфальту. В какой-то момент голова домового оказалась внутри ступы, прямо напротив головы Самоварчикова. «Ааааа! – заорал Василий и ухватил лешего за шиворот. – Хватит тебя уговаривать! Книгу не потеряй».

Спустя секунду Змей рванул вверх, Василий выдернул хозяина леса из ступы, и та, лишившись половины груза, стремительно унеслась вдаль...

– Прабабулю Бабы Яги искали, но не нашли. Спустя неде-

лю ступа вернулась к хозяйке, с метлой, но без одного обруча. Леший Самоварчиков кусается до сих пор, но с каждой неделей все реже. А Змей Горыныч, как только его голова отросла, прокатил Бабу Ягу, болотного хмыря Сигизмунда и домового Василия над Забайкальем.

Василий взгляделся в лица своих юных слушателей и с удовольствием отметил их разинутые рты, даже у младшего Самоварчикова.

– Я закончил. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – быстро ответила за всех лесная нимфа Лапанальда. – Дел еще много, а на ужин нельзя опаздывать. Сейчас обяжем самых храбрых экскурсантов страховочными веревками и спустим вниз. Можете там быстро все осмотреть и потрогать. Но, – подняла палец воспитательница, – ничего с собой не уносите.

Выслушав одиннадцать громких и одно еле слышное спасибо, Василий вопросительно взглянул на Лапанальду.

– Завтра младшую группу ведьмочек приведу, – сообщила нимфа. – Имей в виду – Кукуцаполь тоже напросился по-присутствовать.

...Змей Горыныч летел над осенними забайкальскими лесами и радовался, что у него опять три головы. Ух, покувыркаться бы сейчас в пушистых облаках! Да нельзя. Троица, которую он везет на своих шеях, высоты боится. Баба Яга вообще как закрыла глаза еще на земле, так и катается, за-

жмурившись. На ступе, говорит, так высоко не поднимаюсь. А чего высоко? Лечу, вон, на бреющем, крылья за ели цепляются. А Сигизмунд! Понятно, для хмыря из болота высота нехилая. Так ты хватайся за шею крепче. Не хватается. «У меня, – заявляет, – страховочный трос есть», и на хвост показывает. Но он же этим своим хвостом так обмотал левую шею, что левая голова уже хрипеть начала... Один домовый Василий держится молодцом. Сидит на центральной шее спокойно, красоты вокруг рассматривает, даже бинты поправляет на шраме. Герой. Ну, они, вообще-то, все герои. И мои друзья.

Змей Горыныч аккуратно покрутил отросшей головой, и из ее правого глаза скатилась на чешуйчатую щеку слезинка счастья.